

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Я ПИШУ эти заметки в дни, когда исполняется сорок пять лет начала ленинградской блокады. На Марсовом поле, на Невском, на Петроградской и Выборгской стороне, меж одетых в золотые осенние кольчуги деревьев, среди старинных зданий и только что сданных новостроек вновь слышен мне сквозь ритмичное постукивание метронома взволнованный голос Дмитрия Шостаковича:

«Я работаю сейчас быстро и легко. Мысль моя ясная и творческая... Несмотря на военное время, несмотря на опасность, грозящую Ленинграду, я в довольно быстрый срок написал две части симфонии... Ленинград — это моя родина. Это мой родной город, это мой дом».

Седьмая, Ленинградская. Она рождалась в огне, и на страницах ее партитуры лежат отблески пожаров, это симфония войны, и в ее «тeme нашествия» слышен рев вражеских танков и грохот выстрелов. Но вся она — это гимн неизмеримому мужеству нашего города, нашего поколения, нашего народа. Великая музыка великой борьбы и Великой Победы.

Я не помню, где был в тот день, когда на город Ленина упали первые вражеские снаряды. Скорее всего, на кронштадтских фортах, где обеспечивал выход нашей газеты «Ленинец» — газеты моряков, оборонывших город-крепость. А несколько дней спустя добирался в «Ленинградскую правду», в типографии которой мы заказывали клишированные заголовки, шел по улице зодчего Рогова, когда началась очередной обстрел. Ложись! — я упал на ас-

фальт в подворотне напротив дома, где еще недавно в Союзе композиторов служил в авторском исполнении только что написанные произведения Шостаковича, Дунаевского, Соловьева-Седого, моего друга, создателя антифашистских песен Виктора Томилина. Пройдет еще деянико дня — и Виктор погибнет вместе со своими бойцами у Невской Дубровки.

А потом настала первая ночь, когда фашистским самолетам удалось прорваться к Ленинграду и сбросить бомбы. Среди жилищ, особенно пострадавших тогда, был особняк напротив дома, где жил Шостакович. Перед окнами квартиры композитора запылал гигантский костер. И на листах партитуры появился первый знак:

«ВТ» — «воздушная тревога». И чем дальше, тем чаще на нотных листах появлялись эти две буквы: «ВТ». «ВТ». И тогда руководитель ленинградской композиторской организации брал каску и противогаз и шел на крышу — выполнять обязанности бойца МПВО.

А седьмого сентября, как свидетельствует блокадная хроника, в Большом зале Ленинградской филармонии при полном стечении публики состоялся концерт, в котором участвовали артисты О. Иордан, Б. Горин-Горянин, писатель Е. Шварц и композитор Д. Шостакович. Сбор от концерта — свыше десяти тысяч рублей — был передан в Фонд обороны.

ВСЕ ДНИ, месяцы, годы блокады осажденный Ленинград оставался непрступной цитаделью, мужественно сражался с оккупантами. И музыка великих

композиторов мира, в том числе и тех, чье наследие особенно стремился растоптать, уничтожить фашизм, тоже участвовала в этой битве. Мы, ленинградцы, помним: в лютую зимнюю ночь, еще до того как Москва, Ленинград, фронт, тыл и весь мир услышали Седьмую симфонию Шостаковича, к нам на передовую и в наполовину вымершие, замороженные кварти-

детельство поэта: «Сам город стал явлением, обнажающим свою непобедимую природу борца. Все его революционные легенды оделись плотью... Почти симфонический гром канонады, визг летящих бомб и зарева, освещавшее мертвое пространство ночей, — все окружение было так величественно, что добавлять лишнее казалось кощунственным...»

вали на наш город бомбы, снаряды, когда немцы кричали на всех европейских перекрестках, что дни Ленинграда сочтены. Дмитрий Шостакович написал симфонию, которая зовет на борьбу и уверяет веру в победу. Само исполнение Седьмой симфонии в осажденном Ленинграде — свидетельство неистребимого патриотического духа ленинградцев, их стойко-

го и преданного вам Д. Шостаковича».

Мне не пришло присутствовать тогда в филармонии: я был в Кронштадте и слушал трансляцию вместе с балтийскими подводниками, только что вернувшимися из победного похода. А нынче я встречаю участников этого концерта в школьном музее. Большинство из них — военные музыканты. Они сражались на передовой, охраняли любимый город от вражеских лазутчиков, стояли на страже у мостов и заводов. И — играли Седьмую симфонию.

А рядом с ними вижу артилистов тех лет, которых по праву можно назвать участниками концерта, хотя и они в тот вечер не переступали порога филармонии. Они проводили мощный контрабатарейный удар, позволивший сделать так, что враги восемидесят минут звучания симфонии фашисты не смогли сделать ни одного выстрела по городу.

КОГДА-ТО мой старший товарищ, участник гражданской и Отечественной войн, крупнейший знаток советского и мирового балета Юрий Иосифович Слонимский рассказал мне о своем знакомстве с Шостаковичем, состоявшемся еще в первые годы Советской власти. Начинаящий композитор жил, как вся наша встававшая из разрухи республика, бедно, работал в немом кино тапером. Слонимский не назвал мне кинотеатра, но я запомнил его рассказ — и спустя много лет все-таки узнал, где это было.

Кинотеатр этот носит название «Музей при школе 235 Октябрьского района города Ленинграда от любящего

жилище и своеобразный клуб писателей. В нем жили и творили Николай Тихонов, Ольга Форш, Александр Грин, Михаил Слонимский, Всеволод Рождественский и многие молодые в ту пору писатели. Здесь Блок читал «Двенадцать», Маяковский — «150.000.000», Грин — «Алье паруса»... И в этом окружении как-то по-своему, непривычным и близким предстал передо мной облик великого композитора современности — таким, каким мог быть он среди них, сыновей и дочерей новой, лишь постигаемой эпохи, культуры которой им предстояло еще создавать:

Он склонялся, руки простираясь, любил ослепленный Тусклым отблеском,

Позабыв упрек билетерши, Что играет не вальсы он, А какое-то наважденье, Непонятное никому. Но с экрана высокой

тенью Улыбался всадник ему. В краснозвездных шлемах к потокам Шли герои рвущихся лент,

И еще не пронес «Потемкин» В людных залах огонь легенд. Но победная песня мчалась

Из цехов рабочих застав, Это все еще начиналось, Лишь позднее Музыки став, Ритмом улиц, широком льдинок, Новизной весенней земли. И зачатки крыл лебединых

За плечами его росли. Всеволод АЗАРОВ.

К 80-летию Д. Д. Шостаковича

МУЗЫКА НАШЕГО МУЖЕСТВА

ры радио передавало Девятую Бетховена. Ее финал — оду «К радости» на стихи Шиллера мы слушали с зенитчиками на Марсовом поле. И это было как бы предвосхищением Седьмой Ленинградской, родившейся здесь, среди хаоса уничтожения и пафоса борьбы, чтобы уже навсегда оставаться свидетельством непреклонного мужества человеческого гения.

Как создал ее Шостакович? Как создал свою поэму о железных ночных Ленинграда Николай Тихонов? Хотите это узнать — всплывайте в сви-

сти, их веры в победу, их готовности до последней капли крови бороться и завоевывать победу над врагом. Сейчас будет включен зал, откуда будет исполняться Седьмая симфония Шостаковича».

Сегодня партитура симфонии, подаренная автором Элиасбергу, фрак и палочка, служившие в тот вечер дирижеру, хранятся в школьном музее. «А музы не молчали». И — фото композитора с надписью: «Музей при школе 235 Октябрьского района города Ленинграда от любящего